

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.001.4

В.С. Цитленок

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
ОПЫТ ФОРМАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Дается краткий ретроспективный анализ появления термина «постиндустриальное общество». Отмечается его содержательная неопределенность. Автор доказывает необходимость введения нового термина, в котором должен отразиться характер социально-экономического строя стран современных Западной и Японской цивилизаций. Обосновывается вывод, что его можно отразить термином «компьютерно-индустриальный (технотронный) капитализм».

К началу XXI в. в мировом исследовательском социально-экономическом сообществе сложилось представление о том, что ныне экономика стран Северной Америки, Западной Европы и Японии достигла такого уровня развития, когда термин «капитализм» представляется устаревшим и следует его заменить другим. Наибольшее распространение получило предложение назвать страны западной цивилизации и Японию «постиндустриальными», «информационными», «обществами, основанными на знаниях». Вопрос о связи этих терминов с термином «капитализм» в явной форме отсутствовал.

Можно считать, что фактически социально-экономический термин был заменен на социологические. Отсюда большинство авторов сознательно или бессознательно отказались от социально-экономического анализа современной западной цивилизации. Тем самым молчаливо предполагается, что характер страновых экономических отношений автоматически изменяется с появлением качественно новых технологических укладов, новых организационно-производственных и управленческих структур.

Основной силой, повлиявшей на исчезновение капитализма, считается доминирование в стоимостной структуре национального продукта сферы услуг, возросшей роли информации, ее автоматической переработки, хранения и передачи. Предшественниками сторонников современной технико-производственной трактовки социально-экономических отношений были А. Сен-Симон, О. Конт. Однако у них еще можно проследить связь с социально-классовыми отношениями. Так, А. Сен-Симон под «индустриальной системой» или «индустриальным режимом» понимал такую социальную систему, в которой «промышленный класс» играет главную роль не только в экономике, но и в политике, а О. Конт говорил о «научно-промышленной эпохе» как таком типе организации, когда производство становится единственной и постоянной целью его деятельности [1. С. 134].

Последовательным сторонником технико-технологической концепции, оказавшим сильнейшее влияние на идеи социологов и экономистов Запада, следует считать П. Дракера (США). Еще в 1942 г. им опубликована работа «Будущее индустриального человека», идеи которой он развил в более поздней – «Новое общество. Анатомия индустриального строя» (1947). П. Дракер считает индустриальное общество системой, основанной «на современном крупном машинном производстве со специализацией и интеграцией многочисленных работ и имеющей своей производственной единицей крупное предприятие» [2. С. 27]. Социально-экономические ее признаки, полностью адекватные при-

знакам индустриального капитализма, он называет «свободным индустриальным обществом».

В 60-е гг. XX в. идея индустриального общества стала определяющей в концепциях политолога-экономиста У. Ростоу (США), социологов Ж. Эллюля, Р. Арона (Франция), экономиста кейнсианского направления Д. Гэлбрейта (США) [3].

Заслугой Р. Арона следует признать выделение двух типов индустриализма – капиталистического и советского. Говоря о «капиталистическом режиме», он отметил такие его социально-экономические признаки:

- 1) частная собственность на средства производства;
- 2) децентрализованное регулирование экономики с установлением равновесия между производством и потреблением через рынок;
- 3) деление общества на нанимателей и наемных работников;
- 4) прибыль как цель производства;
- 5) стихийное колебание рыночных цен и циклический характер выпуска национального продукта [4. С. 257–258].

В качестве существенного признака называется неравенство в распределении дохода. Главная характеристика индустриального общества – накопление капитала и развитие производительных сил [4. С. 260].

Этап капитализма, вызванный процессом концентрации и централизации капитала, Д. Гэлбрейт называет «новым индустриальным обществом» [5. С. 45]. Его определяющий признак – высокоразвитая техника. Именно ее доминирование обусловило становление корпоративного капитала, появление особой профессиональной группы – менеджеров, повышение роли государства в экономике. Новое индустриальное общество выступает у Гэлбрейта как социологическое обозначение корпоративно-государственного капитализма.

В дальнейшем предложенный им термин «новое индустриальное общество» не был воспринят ни экономистами, ни социологами и постепенно исчез со страниц научных и популярных изданий. Ученое сообщество предпочло другие термины: «постиндустриальное общество» и «информационное общество».

Исторически термин «постиндустриализм» возник как альтернатива индустриальному капитализму еще в начале XX в. Его авторами считают критиков капитализма А. Кумарасвами и А. Пенти (Великобритания) [6. С. 13]. Однако в первой половине XX в. этот термин не привлек к себе внимания социологов и экономистов. Интерес к нему возник лишь после публикации в 1973 г. монографии социолога Д. Белла (США)

[7. С. 7]. Преимущество применения данного термина, по мнению В.Л. Иноземцева, состоит в том, что он «акцентирует внимание на том основном качестве, которое преодолевается в формирующемся обществе, а именно – на индустриальной природе прежнего способа производства. Кроме того, использование этого понятия предполагает, пусть в неявном виде, что определяющие признаки нового строя невозможно четко назвать и достаточно полно описать, пока сам этот строй не достигнет известной зрелости» [6. С. 14].

Основными особенностями нового общества являются: информация, последовательная обработка предметов труда, наукоемкость производимых товаров. Новый тип общества не замещает предшествующие формы, сосуществует с ними, а переходы от одного состояния к другому не могут быть революционными и не имеют четкой хронологии.

Такое понимание постиндустриального общества делает эту категорию настолько неопределенной, что в лучшем случае речь может идти только в пределах существующего корпоративно-государственного капитализма. Утверждение, что становление нового общества началось в конце 70-х гг. XX в., теряет всякую доказательность, так как основывается лишь на том факте, что удельный вес занятых и доля национального продукта, создаваемая в сфере нематериального производства, превышают 50 %.

Более того, термин «постиндустриальное общество» не определяет верхний предел его существования. Возникает представление о его бесконечности, так как удельный вес сферы нематериального производства может быть и 55, и 75, и 99 %. Маловероятно, что при этом не произойдут существенные качественные изменения, свойственные, например, доиндустриальным обществам: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм.

Видимо, пытаясь преодолеть расплывчатость, неопределенность термина «постиндустриальное общество», определенная часть исследователей стала использовать более конкретные термины: «информационное общество», «посткапиталистическое общество».

Термин «информационное общество» впервые был применен в работах Ф. Махлупа (США) и Т. Умесао (Япония) в 90-х гг. XX в. [6. С. 20–21]. Однако активно он стал применяться в конце 70-х – начале 80-х гг. Й. Масуда (Япония) отождествлял понятия «постиндустриальное» и «информационное» общества [8]. Считается, что основным критерием информационного общества является объем и качество применяемой информации, ее передача, переработка, хранение, ее доступность для каждого желающего [9, 10]. Существует множество других содержательных интерпретаций. Неизменной остается только ориентация на техническую, технологическую сторону. Подчеркивается, что информационные технологии влияют на изменения в экономике, социальной структуре, в политике и общественном сознании. Таким образом, концепция информационного общества, скорее всего, представляет собой более детальную разработку роли информационного фактора в постиндустриальном обществе. Поэтому она «может и должна рассматриваться как составная часть постиндустриальной теории» [6. С. 22].

В конце XX в. рядом экономистов США активно обсуждалась идея информационной экономики не как особой подсистемы национального хозяйства, а как качественно нового этапа развития социально-производ-

ственных отношений [11, 12]. Однако выйти за пределы техно-производственных и организационных отношений им не удалось. Более того, тенденции к расширению права интеллектуальной собственности, их спецификации и ускоренная капитализация информационных ресурсов свидетельствует о расширении и углублении капиталистической формы производства.

Скорее всего, информационная экономика – это формирующийся в пределах индустриального капитализма новый технологический уклад, который носит трансотраслевой характер и ведет к становлению качественно нового этапа развития капитализма. Условно его можно назвать компьютерно-индустриальным (технотронным) транснациональным капитализмом.

Для доказательства данного утверждения или его опровержения необходимо сравнение свойств «новой экономики» с установленными родовыми признаками капитализма. Очевидно, к таковым следует отнести: ориентацию фирм на получение прибыли как основной цели их деятельности, доминирование в структуре доходов населения и в численности занятых наемного труда, всеобщность стоимостного обмена на основе принципа эквивалентности относительно полезности обмениваемых благ, доминирование конкуренции перед согласованным взаимодействием, а денежных доходов – над другими видами доходов, превращение ведущих национальных корпораций в международные и геопланетарные (глобальные), доминирование среди множества форм собственности на производственные ресурсы индивидуальной и индивидуально-групповой, превращение в капитал результатов всех видов невещественной деятельности, доминирование принципа «хочешь жить – умей вертеться».

Из того факта, что доля гуманитарных финансовых и управленческих услуг в США за 1947–1994 гг. возросла с 27 до 51 %, вовсе не следует вывод об утере «новой экономикой» генетических признаков капитализма. Не вызывает сомнения капиталистический характер экономики США у авторов монографии «США на рубеже веков», которые одну из глав назвали «Фактор опережения: американская модель капитализма» [13. С. 378]. Причем это такая модель, которая является «цитателю современного капитализма» [13. С. 242]. И это при том, что процент занятых на компьютеризированных рабочих местах в 1997 г. превысил 47 % всех занятых в экономике, а удельный вес производства и использования автоматизированных информационных технологий в последнее десятилетие XX в. превысил 57 % создаваемого валового продукта [14. С. 43–44].

В 1997 г. удельный вес наемных работников в США составлял 92,3 % среди всех занятых, тогда как в доходах домашних хозяйств – 63 %, доля самостоятельных работников составляла 7,7 %, а удельный вес их доходов в потреблении домашних хозяйств – 18,7 %. В Японии соответственно эти две пары показателей составляли 88,3 и 60, 11,7 и 18,6 %, в Великобритании – 88,0 и 58,7, 12,0 и 26,4 %, Германии – 90,1 и 53,6, 9,9 и 23,5 %, во Франции – 89,2 и 50,6, 10,8 и 21,5 %, Италии – 76,2 и 38,8, 23,8 и 38,6 % [15. С. 111].

Доминирование в численности экономически активного населения наемного персонала и относительно низкий удельный вес собственников капитала – доказательство сохранения экономикой стран Запада ге-

нетических признаков капитализма при существенном изменении роли информационного технологического транснационального уклада.

По доле занятых в сфере информационного производства (47,5 %) США находятся на одном уровне с Великобританией, уступая Швеции (51,1 %), Израилу (49,5 %), Нидерландам (49,2 %), Норвегии (48,3 %) [15. С. 65–66].

Предпринятая в экономической теории попытка обоснования «конца капитализма» в США, Канаде, Западной Европе и Японии [6. С. 72–215] представляется, по крайней мере, преждевременной, особенно в части процесса замещения частной собственности личной и устранения эксплуатации.

В качестве доказательства превращения частной собственности в личную приводится факт роста числа работающих на дому. В США в 1990 г. их было 3 млн, а к 2000 г. – более 25 млн. «В 1995 году 65 % работников в компьютерной индустрии было занято в мелких и индивидуальных фирмах, и лишь 35 % – в крупных компаниях» [6. С. 150].

Как было показано, сам по себе факт роста работающих на дому в качестве наемных работников не является доказательством превращения частной формы собственности в личную. Более корректно говорить об опережающем темпе роста индивидуальной формы собственности относительно частной. Приведенные данные не идут ни в какое сравнение с темпом роста акционерного, т.е. коллективного, капитала. Население, скорее, предпочитает приобретать акции и облигации, чем становиться индивидуальными производителями.

Кроме того, нельзя абсолютизировать сам факт особенностей формирования и функционирования информационного сектора производства вне связи со сферой промышленного производства, с крупным акционерным капиталом. Развитие информационного сектора обусловлено потребностями национального хозяйства и определяющей ролью в нем корпоративного транснационального капитала. Поэтому изменение организационных форм и методов капитализации не означает замены капиталистических производственных отношений отношениями простого товарного производства. Скорее всего, следует говорить о замене автономной организации производственно-капиталистических структур на сетевую организацию.

Идет процесс не декапитализации производства, а капитализации информационных видов трудовой деятельности, когда индивидуальные собственники компьютерных средств производства одновременно становятся акционерами крупных корпораций, производящих как вещественные, так и невещественные товары. Вряд ли, например, Б. Гейтса можно считать личным собственником, а не капиталистом. Речь должна идти о появлении новых форм организации капитала, а не о его вытеснении личным производством.

Преодоление эксплуатации В.Л. Иноземцев считает возможным путем превращения трудовой деятельности работника в творчество [6. С. 161]: «Преодоление экономических основ социума осуществляется не через трансформацию социальных структур, а вследствие духовной и интеллектуальной эволюции составляющих их людей» [6. С. 164]. Такое понимание эксплуатации выходит далеко за пределы контекста капитали-

стической организации производства, которую условно можно назвать посткапиталистической гуманитарно-креативной цивилизацией. Но если таковая в принципе возможна, то пока она находится за пределами потенциала современного человека. Значит, автор косвенно признает, что в условиях реальных социально-экономических процессов нет возможностей для равного удовлетворения потребностей экономических субъектов, что здесь неизменным остается принцип: «сильный всегда прав». Но это и есть подтверждение сохранения в информационном обществе, в «новой экономике» генетических свойств капитализма.

Появление нового технологического (информационного) транснационального уклада не означает завершения эры капитализма как глобальной социально-экономической системы. Скорее всего, следует говорить о наступлении ее более высокоорганизованного этапа – транснационального компьютерно-индустриального (технотронного) капитализма. Его существование и развитие основывается на максимальном использовании ресурсов планеты и на стремлении контролировать всех основных субъектов геоэкономики.

Вывод В.Л. Иноземцева о самодостаточности и стремлении стран постиндустриальной экономики к самоизоляции, об отсутствии заинтересованности к взаимодействию и доминированию среди других стран планеты основан на ошибочном представлении о том, что в информационной (постиндустриальной) экономике отсутствуют проблемы ресурсо- и энергопотребления, рынков сбыта. «Поэтому автономность постиндустриальных обществ ... проявляется сегодня в виде замкнутости постиндустриального мира перед лицом всех других стран и народов» [6. С. 225], а современный мир предстает как расколотая цивилизация с единым центром силы, представленным сообществом постиндустриальных стран.

Не вызывает сомнения, что в определенный период времени темпы региональной интеграции могут превышать темпы глобализации, но они не в состоянии полностью устранить последнюю. Страны «новой экономики» заинтересованы в переносе ряда отраслей промышленности, таких как горно-рудная, металлургическая, химическая, в Азию, Африку, Латинскую Америку. Кроме того, они приобретают у национальных фирм сельскохозяйственные товары, товары легкой промышленности, открывают здесь филиалы по промежуточной обработке машинотехнических продуктов. В результате в таких странах Юго-Восточной Азии, как Сингапур, Сянган, объем экспорта существенно превышает объем национального продукта.

Ведущую роль в экономике начинают играть ТНК глобального типа, которые создают значительную часть своих зарубежных филиалов в развивающихся странах. Именно благодаря их деятельности в Азии и Латинской Америке появились страны, известные как «новые индустриальные». Так, удельный вес НИС ЮВА за 1960–2000 гг. в стоимости мирового экспорта возрос с 3,9 до 14,8 % [16. С. 47].

Даже в такой приоритетной отрасли, как НИОКР, являющейся полной монополией стран постиндустриального капитализма, исследователями экономики США отмечена высокая активность ТНК в Индии, Сингапуре, Малайзии, Китае, что «связано с наличием квали-

фицированного исследовательского персонала, доступностью первоклассной инфраструктуры, благоприятной правительственной политики по стимулированию НИОКР и иностранных инвестиций, близостью с компаниями, специализирующимися на производстве, проектировании и разработке определенных видов высокотехнологичной продукции» [17. С. 82]. Поэтому не автономное функционирование, а геопланетарное доминирование экономик стран позднего капитализма является их отличительным признаком.

Вполне вероятно, что первый этап существования позднего капитализма связан с формированием его северо-атлантического ядра, для которого, по крайней мере, в ближайшие 10–15 лет будут характерны более интенсивные процессы комплексной компьютеризации и превращения США в эпицентр геопланетарной эконо-

номики. «США как мировая держава не будут иметь другого выбора, кроме как брать на себя роль главного действующего лица и решать проблемы в мире 2015 г., в котором будет усиливаться экономическое и цифровое неравенство, а преимущества от глобализации получают далеко не все» [18. С. 28].

Становление геопланетарного капитализма будет осуществляться за счет качественного совершенствования социально-экономических отношений внутри северо-атлантического эпицентра и форсированного развития индустриального капитализма в основных странах Азии и Латинской Америки, определенной части африканских государств. В структуре мирового валового продукта доля США и Западной Европы сократится, но ускорится процесс перехода на уровень компьютерного персоноратизма – компьютерно-персонорморфного капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Вып. II. СПб., 1919.
2. Drucker P.F. Big Business. London, Toronto, 1947.
3. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge: University Press, 1960.
4. Брегель Э.Я. Критика буржуазных учений об экономической системе современного капитализма. М.: Мысль, 1972.
5. Galbraith J.K. The New Industrial State. 2nd ed. L., 1991.
6. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000.
7. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
8. Masuda Y. Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
9. Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу // Теория и практика общественно-научной информации. М.: ИНИОН, 1989.
10. Скрыльникова Н.А. Информационная экономика: концепция и социально-экономические трансформации. Автореф. дис. ... докт. эконом. наук. Томск, 2003. С. 13–14.
11. Castells M. The Rise of the Network Society. Malden (Ma)-Oxford, Blackwell Publishers, 1996.
12. Boison M. Knowledge Assets, Securing Advantage in the Information Economy. N.Y., 2000.
13. США на рубеже веков. М.: Наука, 2001.
14. Губанов С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе // Экономист. 2002. № 7.
15. Россия и страны мира. М.: Госкомстат России, 2002.
16. Устинов И.Н. Мировая торговля: статистическо-энциклопедический справочник. М.: Экономика, 2002.
17. Социально-экономическая эффективность: опыт США. Ориентир на глобализацию. М.: Наука, 2002.
18. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Екатеринбург: У-Фактория, 2002.

Статья представлена кафедрой мировой экономики экономического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Экономические науки» 24 апреля 2003 г.